

Игорь Шестков "Русалка"

РУСАЛКА

Давно известно, если много думать о путинской России – то заболеешь геморроидальным расстройством. Это подтверждается и статистикой... Форма и протекание заболевания зависят конечно от состояния пациента, его возраста, работы и прочих факторов, но в самом возникновении геморроя у эмигрантов из бывшего СССР – виновата современная Россия и лично ее президент, эту болезнь олицетворяющий. Я к сожалению, особенно последние два года – годы аннексии Крыма, военной интервенции в Донбассе и резкого ухудшения политического климата в и без того обезображенной коррупцией и жестокостью стране – о России думал часто, слишком часто, переживал, скрежетал зубами от бессилия, комментировал путинские гнусности в интернете... и вот... получил геморрой... на свою задницу. Додумался. Допереживался. Докомментировался. Месяц мучился, надеялся на то, что само пройдет. Так наверное думают и многие честные и добрые россияне о Путине и путинщине. Само пройдет. Не пройдет, и не надейтесь!

И мои анальные страдания сами не проходили. Пришлось искать платного врача (бесплатных так мало, что записывают на прием через семь месяцев... а к этому времени или ишак сдохнет или султан умрет). Нашел врача. На Фридрихштрассе практика. У музея Чекпойнт Чарли. Созвонился.

Приходите завтра в три.

Прекрасно! На следующий день – отправился. В кишке так жгло и свербело, что на Берлин и его обитателей даже не взглянул. Скорее, скорее... Когда шел по Фридрихштрассе – подвергся нападению двух дерзких цыганок. Как прилипли, паршивки. Суют мне в лицо какую-то бумагу с подписями, лопочут что-то по-своему и щупают мою куртку, бумажник ищут. Ну, я не лыком шит, заорал на них громко так, так громко, что вся улица на нас посмотрела: Хаут аб! Вэг!

Отцепитесь, мол, и катитесь... Испугались, вроде. Но как отошли от меня шагов на двадцать, повернули ко мне свои черномазые образины и злобно что-то прокричали. И, хотя я их наречие не понимаю, смысл их угроз я понял. Они кричали: Мы еще встретимся... еще встретимся... берегись!

Как же я ненавижу этих навязчивых попрошайек! Дашь им евро, им мало, требуют еще. Не дашь – такую рожу скорчат, как будто ты их ножом пырнул... и в глазах их черных – бешеная злоба.

...

Вошел в практику. В регистратуре – вежливая пожилая дама, слегка впрочем смахивающая на миссис Пикман.

Ни одного пациента! Это потому, что сотню надо выложить за первый прием. А у меня в районе, где только пациенты с государственной страховкой проживают, чтобы попасть к обычному врачу-терапевту – три часа надо в очереди отсидеть. Духота. Кашель. Дети орут. Сестры осатаневшие бегают. Врачи перегружены работой. Нервные, замученные. Социализм...

А тут – огромная комната ожидания, и ты в ней один. Кресла. Журналы.

Аквариум с золотыми рыбками. Тишь да гладь... Только сидеть, даже в мягком кресле, когда у тебя геморрой, все-таки очень больно. Через несколько минут вышел ко мне врач и представился: Барток.

Батюшки! Венгр. И похож на автора оперы «Замок герцога Синяя Борода»...

Обходительный, седой, уютный дедушка. Пригласил меня в кабинет. Рассказал про геморрой. Показал ужасную картинку. Подробно опросил меня о симптомах и пригласил лечь в хирургическое кресло.

Хорошо теперь понимаю, что испытывают несчастные женщины у гинеколога.

Минут двадцать пять он меня обследовал, совал в меня всякие холодные железяки, утешал, уверял, что ничего страшного у меня нет...

Потом опять пригласил сесть за стол, рассказал о том, что мне надо есть, как пользоваться мазями. Порекомендовал аптеку. Пожал руку. Заметил, что неплохо было бы показаться еще раз, через шесть недель... Еще полтинник.

Я вышел от доктора Бартока успокоенный и почти вылечившийся, давно заметил, что болезни, также как и пациенты, боятся врачей и иногда отступают перед ними еще до начала лечения. С удовольствием заплатил миссис Пикман сотню. Договорился о следующем термине. Хотел уже было покинуть практику. Но тут...

Что-то треснуло, хлопнуло. Или разорвалось. Молния зеленая сверкнула. Ишак чихнул. Бабочка села на одуванчик. Дурак родился. В моей судьбе произошел

глобальный сбой. Бульшит.

Трудно описывать то, что не понимаешь. Я не знаю, что произошло. Но впечатление у меня было такое, как будто фильм моей жизни, до этого момента мерно скользивший через колесики какого-то космического кинопроектора вдруг – неизвестно почему – застрял. По экрану расплзлось злое желто-коричневое пятно. Пленка вспыхнула, по кинозалу пополз ядовитый дымок. Публика стала свистеть и топтать ногами, а киномеханик выключил свою аппаратуру для срочного ремонта...

Но ничего у него не вышло, и он трусливо покинул кинотеатр. А зрители, вволю посвистев и потопав ногами, разошлись по домам.

...

Но это все метафоры. А в реале произошло вот что.

Я неожиданно услышал незнакомый голос, как будто падающий с небес, похожий на голос робота, объявляющего остановки в берлинском с-бане. Он провещал: Вам необходимо пройти дополнительное обследование!

Я испугался, запаниковал, мне захотелось выброситься в окно или что-то бешено заорать и начать крушить все вокруг меня. Но я не заорал и крушить не начал, а приоткрыл входную дверь практики, чтобы выйти на улицу. И тут кто-то схватил меня за плечо. Это был доктор Барток. Ставший за те несколько минут, что я его не видел, неузнаваемым! Он постарел лет на десять и одичал!

Безумные глаза сверкали, на щеках торчала клокастая щетина, под ногтями – грязь, а вместо аккуратно поглаженного белого халата – на нем была замызганная тюремная роба... Что за черт? Доктор Барток взял меня под руку и прохрипел: Вам необходимо пройти дополнительное обследование.

Это что же, мое собственное подсознание со мной заговорило? Не верю я во всю эту чушь.

Я дал ему себя отвести по каким-то длинным коридорам в отдаленную комнату. Может, это и была та самая, обычно запертая, комната, в которой Синяя Борода пытал и убивал свои жертвы?

Она походила на операционную больницы двадцатых годов (видел фотографии в медицинском музее в Шарите). На длинных металлических столах лежали скальпели, всевозможные щипцы, пилы, ванночки, шприцы, зажимы, какие-то

зловещие трубки... Посредине комнаты стоял большой операционный стол, рядом с ним – бестеневая лампа, вокруг него – толпились хирурги и ассистенты в зеленых халатах и таких же штанах.

На их лицах – маски.

Я попытался освободиться от доктора и удрать. Хирурги заметили это и пропели хором: Вам необходимо пройти дополнительное обследование.

И ударились в пляс.

Танец хирургов подействовал на меня гипнотически, я ослабел, и доктор Барток подтащил меня к операционному столу. Множество рук в резиновых перчатках схватило меня, подняло и положило на стол. Куртку мою с меня сняли и отбросили в сторону, даже не порвав, а остальную одежду резали ножницами и сдирали лоскутами. После чего привязали мне руки и ноги к столу, а на лицо положили маску. Мои летние бежевые туфли злодеи почему-то оставили у меня на ногах.

В самый последний момент, когда я уже был готов отключиться и отдать себя на милость победителей, что-то во мне сдвинулось... я нашел в себе последние силы... предсмертный резерв... и с мужеством отчаяния рванулся, разорвал путы, сорвал маску, соскочил с операционного стола, разбросал в разные стороны повисших на мне врачей. Схватил куртку и, отбрасывая от себя хватающие меня со всех сторон руки и расталкивая плечами встававших на моем пути плясунов-хирургов, число которых возрастало с каждой секундой, – пробился к двери операционной, протаранил ее, и не обращая внимания на дикий визг миссис Пикман, пытавшейся обвить и задушить меня своими длинными щупальцами, вырвался из практики. Выбежал на Фридрихштрассе. Голый. Поцарапанный. Напуганный. Дрожащий.

Нацепил на себя куртку, которая еле-еле прикрыла голый зад и причинное место и поковылял в сторону Унтер-ден-Линден.

По дороге судорожно думал (ясно думать не мог) о том, где купить брюки.

Перебирал в голове знакомые магазины, но их названия путались, исчезали из памяти, оставляя после себя что-то вроде пестрого пара, потом появлялись, но не давали себя прочесть, хихикали и потешались надо мной.

В голове звучал слоган популярного флешмоба: Сними штаны и иди в метро,

ведь ты человек, а не пу-га-ло...

Перед глазами все мелькало. Пульсировало.

Прохожие казались мне мутантами. Они кривили свои отвратительные лица и показывали на меня пальцами, похожими на обглоданные куриные ножки...

Автомобили ревели, били колесами об асфальт, как кони копытами, гудели, прыгали как жабы и норовили раздавить. От них приходилось убегать. Дома скалили на меня огромные каменные зубы... протягивали в мою сторону свои кирпичные руки. Нюхали меня уродливыми ноздрями. Мостовая то и дело разверзалась передо мной глубокими провалами, из которых поднимались языки синеватого пламени. Неоновые рекламы, треща и прыская электрическими искрами, отваливались от фасадов и падали на меня. Фонари и рекламные столбы стартовали как ракеты и улетали на околоземную орбиту.

Неожиданно я увидел двух цыганок. Тех самых. И они заметили меня и тут же подскочили... и начали нагло задирать мою куртку... чтобы показать другим прохожим, что под ней ничего нет. Лица их сияли злорадством.

Не помня себя от стыда и гнева, я сбил их с ног и каждую несколько раз ударил ногой по лицу. Видел, как у одной выскочил изо рта зуб, а у другой оторвалась губа...

...

Заскочил в какой-то магазин одежды...

Искал брюки, но не нашел... схватил лежащие на прилавке черные женские колготки и с невероятным трудом натянул их на себя. Подошедшая ко мне миловидная продавщица с двумя розовыми носиками попросила меня пройти в кабинку для примерок...

А со стороны касс ко мне уже бежал, высунув язык, менеджер... бультерьер... захлебывался истеричным лаем. Я выскочил на улицу до того, как он смог схватить меня зубами. Прищемил дверью его длинный лиловый язык, слышал, как он заскулил.

В колготках я немного успокоился. Потому что уже не выглядел полуголым психопатом, сбежавшим из клиники, а походил на одного из берлинских андрогинов, таких тут много... Повернул налево, на Ляйпцигерштрассе. И побежал так быстро как мог.

Потому что у меня наконец появился план. Я решил зайти в Картинную Галерею, погулять по ее просторным залам, полюбоваться на любимые картины и успокоиться. Обдумать все в знакомой и дружественной мне обстановке. Миновал Потсдамскую площадь с ее безобразными небоскребами и толпами глазающих туристов, перешел улицу у Городской Библиотеки и направился к главному входу в вестибюль Галереи.

Подошел к кассе.

Там сидела знакомая кассирша, которую я не любил. Злобная высокомерная старуха, красящая волосы в блекло-голубой цвет. Она неприязненно посмотрела на мой берлинский пасс (документ бедняка) и выдала мне длинный бесплатный билетик. Потом сказала: Вам необходимо пройти дополнительное обследование. Протянул билет коротышке в униформе (темные брюки, такая же жилетка, белая рубашка, красный галстук). Тот долго и недоуменно смотрел на мои колготки, потом также долго смотрел на куртку. Затем вежливо, но твердо произнес: Согласно новым правилам, находится в Галерее в верхней одежде нельзя. Прошу вас сдать куртку в гардероб или оставить в шлсифахе (запирающийся железный ящик, как на вокзалах). Кроме того, прошу не забывать – вы должны пройти дополнительное обследование!

Снять куртку? У меня же под ней ничего нет. План мой рушился. Попробовал уговорить коротышку.

– Я уважаю ваши правила, но посмотрите, у меня под курткой ничего нет...

Только голое тело...

– Это дело частное. У каждого из нас под одеждой голое тело... А в куртках и пальто находится в музейных залах запрещено, понимаете! З-А-П-Р-Е-Щ-Е-Н-О! Приказ администрации. В связи с опасностью террора.

К коротышке на помощь подошел великан, тоже в униформе Галереи. Великан сказал тонким голосом: Запрещено в куртке. Сдайте ее в гардероб. Вы должны пройти дополнительное обследование.

Я взмолился: Не смотрите на меня, как на врага. Я не террорист, уверяю вас, я люблю картины... и Галерею... у меня украли штаны... я был сегодня у врача.

Коротышка был непреклонен: Мы не сторожа вашим штанам!

А великан добавил: Ваша частная жизнь нас не интересует. Где вы были, что вы

были... Извольте куртку сдать, иначе не пустим в галерею.

Тут за меня неожиданно заступилась сердобольная пожилая дама, выходящая из Круглого зала. Говорила она с французским акцентом.

– Посмотрите, господа, эта куртка, единственное, что у него есть. А вы хотите заставить его раздеться и ходить по галерее голым. Вы наслаждаетесь тем, что можете что-то запрещать, не пускать, унижать посетителя музея... Требовать от него что-то заведомо абсурдное... а это ведь фашизм... в вас всех до сих пор сидят Гитлер и Геббельс!

Услышав слово «фашизм», великан, ни слова не говоря, подошел к даме, грубо заломил ей руки за спину и быстро повел куда-то. Наверное в комнату для арестованных террористов, тех, кто пытался пройти в Галерею в куртке или пальто, и их сообщников-французов. Издалека донеслось: Не ломайте мне руки, фашист и садист...

– Поговори у меня, лягушатница, поговори, пока я тебе зубы не выбил...

Тут коротышка прошипел: Видите, из-за вас пострадал невинный человек. Курт наверное сломает ей руку или выбьет глаз, он, знаете ли, хотя звезд с неба не хватает, но дело свое знает, порядок в Галерее поддерживать умеет. Не дожидайтесь, пока он назад придет... а-то придется и вам с ним близко познакомиться, а он вашего брата ой как не любит. Консерватор с младых ногтей! Сдайте куртку в гардероб и проходите. Или убирайтесь по добру, по здорову. И помните – вы должны пройти дополнительное обследование.

Я сдался. Спустился в подвал, положил куртку в шлисфах...

Ожидал, что вот... подойду сейчас в одних колготках к коротышке и протяну ему билет... а он завизжит и Курта позовет или полицию по телефону вызовет. Но коротышка деловито отсканировал ручным сканером мою бумажку и, ни слова не говоря, даже не взглянув на меня, пропустил в Круглый зал.

...

Остальные посетители не обращали на меня внимания. В колготках, так в колготках. Политкорректность.

И я спокойно бродил по Галерее, глубоко дышал, смотрел на картины... пытался успокоиться...

Убеждал себя в том, что ничего страшного не случилось. Что я не сошел с ума.

Что с ума не сошел и окружающий меня мир. Пытался найти разумное объяснение происходящему. Особенно метаморфозе, произошедшей с моим доктором. Но не находил. Пытался свалить все на «нервы и переутомление». Не получалось. Уверял себя, что вот... приеду домой... приму ванну... отосплюсь... а завтра все будет хорошо, все будет по-прежнему... Но чувствовал, что «по-прежнему» ничего больше не будет. Что дома своего я больше никогда не увижу.

Потому что пятно на экране росло и росло...

А кинозал уже заволокло ядовитым серым дымом.

Некоторые, не успевшие убежать, зрители задохнулись.

Кинемеханик лежал, скорчившись, как младенец, на широкой лестнице, ведущей к выходу, покрытой ковром. Ковер, усыпанный попкорном и использованными билетами, начал тлеть. Неожиданно мне стало жарко. Я вспотел. Жжение, которое я последний месяц чувствовал только в анусе, распространилось по всему моему телу. Антонов огонь?

Вот и конец, – пронеслось в голове. Это и был конец.

Жжение усилилось. Я заживо сгорал, как еретик на аутодафе.

Слышал свист и улюлюканье толпы. Видел каменные лица инквизиторов, как будто выточенные из горного хрусталя.

Надо было спасаться. Как? Инстинктивно я начал искать воду. И нашел. На левой створке «Алтаря святого Бертена» Симона Мармиона протекала река.

Я прыгнул в нее.

Свежая чистая водяная струя приняла меня в себя.

Погасила адский огонь.

И я от радости превратился в русалку.

...

Будете проездом в Берлине, зайдите в Картинную Галерею, найдите там живопись Мармиона... и реку... и замки... и светлые отвесные скалы... и островок на реке. На двух крохотных холмиках растут два дерева. В ложбинке между ними я лежу по ночам и смотрю на звездное небо.

Новая жизнь мне по нраву, только к рыбьему хвосту никак не могу привыкнуть.

